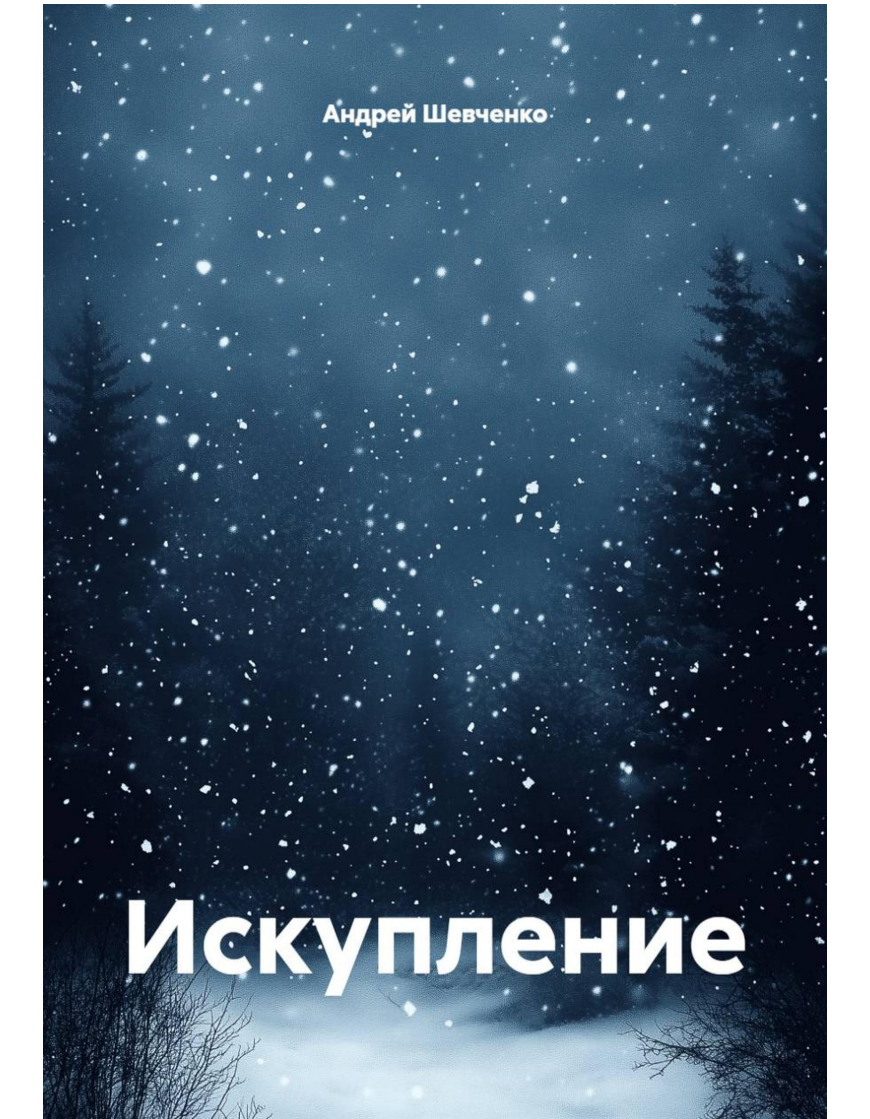

Андрей Шевченко

Искупление

Андрей Шевченко

Искупление

<https://litres.ru/74643383>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юноша приходит в монастырь на три дня, чтобы не наложить на себя руки из-за несчастной любви. Там он узнаёт о пребывании в монастыре и гибели одного из главных бандитов и "прихватизаторов" города. Судьбы этих двух людей, как оказалось, тесно переплетены.

Андрей Шевченко

Искупление

Искупление

(повесть)

Если исповедуем грехи наши,
то Он, будучи верен и праведен,
простит нам грехи (наши)
и очистит нас от всякой неправды.

1 Послание Иоанна Богослова, 1,9.

Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне
повелевает людям всем повсюду покаяться.

Деяния Святых Апостолов, 17, 30.

Рано утром в последнюю пятницу июня в калитку монастыря вошёл парень с рюкзаком на плече. Навстречу ему поднялся с лавки седобородый сторож и посмотрел вопросительно.

- Здравствуйте. Как мне найти настоятеля? – спросил парень.

- Здравствуй... А на что он тебе?

- Да вот хочу пожить у вас несколько дней. Поработать...

Старик немного поразмышлял: видно было, что он с трудом прогоняет дремоту.

- Отец Николай на службе... Все на службе... А ты пройди вон туда, в храм, а после службы и поговоришь.

Парень сделал несколько шагов и выглянул из-за стриженных кустарников, которые обрамляли выезд в ворота. Высокий, красного кирпича храм с пятью золотыми куполами, зелёной крышей и строительными лесами с одной стороны стоял как раз посреди монастырского двора. Открытая колокольня располагалась справа от крыльца, на

1

возвышении, под козырьком. За храмом угадывались огород, хозяйственные постройки, высокий лес. Справа и слева от ворот тянулись разные строения – и жилые, и ещё не восстановленные, без крыш и окон. У одного из них (судя по вытянутой форме и массивному входу, это были мастерские) стояла техника: грузовик, маленький трактор, две легковушки и старенький УАЗ-«таблетка».

Парень оглянулся: сторож уже сидел, опустив голову. Пустынно было и во дворе, только в дальнем правом углу лениво, «для порядка» лаяла собака. Никто не опекал гостя, никто не следил за ним, да и сам монастырь вместо строгости и торжественности больше походил своим беспорядком на строительную площадку. Куча кирпичей, стопка досок, наспех прикрытых шифером, бетономешалка, разобранный культиватор – всё это располагалось, где придётся, и показывало, что рабочих рук и времени у здешних обитателей не хватает.

«Похоже, работа есть, - отметил парень. – Значит, не прогонят». Он шёл к храму и всё пытался вспомнить, каков символический смысл пяти куполов: «Читал, читал, так ничего и не запомнил. Эх, опозорюсь...»

Зная, что идёт служба и что в этом храме не какие-нибудь разношёрстные прихожане – любопытные дети и женщины в платках поверх джинсов вместо юбок, - а строгие монахи в чёрном, парень очень медленно отворил тяжёлую дверь, протиснулся внутрь и замер в углу, сделав лишь два шага от входа.

Народу было немного: два священника находились в алтаре; двое у клироса читали нараспев какую-то книгу, причём один был мирянином – без рясы; ещё до десятка человек стояли так же скромно, как и он, близко от двери.

Место, выбранное парнем, оказалось неудачным: деревянный пол поскрипывал под его ногами, и это смущало и отвлекало от того, чтобы настроиться на нужный лад. Монах или послушник впереди, широкоплечий, суровый лицом, с хвостиком волос, схваченных бечёвкой, всё время отдавал земной поклон, старался коснуться рукой пола, и парень терялся в сомнениях: делать ли ему так же? С того, кто стоял слева, он брать примера не мог: неопрятно одетый мужчина лет тридцати с гривой волос крестился мелко и испуганно, резко, толчками кланялся и, судя по выражению лица, был блаженным, по-мирски – дурачком. Зато справа из форточ-ки тянуло прохладой, и в душном помещении с полумраком

и тишиной, в которой слышалось даже потрескивание лампадок, это приятно

2

бодрило.

Хотелось успокоить мысли, хотелось обдумать всё, что произошло в последние дни, сосредоточиться на вечном, на-стоящем, но тело снова невольно меняло опорную ногу, пол скрипел, и чувство стыда вмиг рассеивало все добрые мысли.

Вскоре началась Литургия, и парень почувствовал себя свободнее. В храм вошли две женщины, а мужчины, давая им место, сместились вправо. Зажгли много света, кто-то направился к исповеди, а один из священников прошёл с кадилом, наполнив воздух тем особым ароматом, который с удовольствием вдыхаешь, входя в любую церковь. Эта – главная – служба потребовала участия всех, и царившую до того тишину вытеснили громкие голоса присутствующих.

Парень спел вместе со всеми Трисвятое и Отче наш – шёпотом, потому что плохо знал напев, и после слов «Миром Господу помолимся» стал внимательно вслушиваться в слова священника. Особенно воодушевило его упоминание о «Богохранимой нашей стране». Представилось вдруг отчётливо, что в сотнях монастырей молятся сейчас о России тысячи людей в строгой чёрной одежде. Ещё спит половина населения этого необъятного северного государства с природой и климатом столь же суровыми, как эти насельники обители, что стоят и крестятся вокруг него, но молитвы уже

несутся от земли к небу, несутся, начиная с крайнего востока. Один часовой пояс сменяет другой, подхватывают моления о России православные Европы, Америки, Японии, и так по кругу каждый день из года в год. «Такой развал в стране, что, наверное, только молитвами верующих она ещё сохраняется», - подумал парень и с радостью перекрестился, когда священник упомянул стоящую здесь братию. В эту минуту из окошка порывисто пахнуло свежестью, и гость испытал, наконец, то умиротворённое состояние, к которому всегда стремился в церквях. «Всю гадость в сторону, - решил он. – В конце концов, зачем я сюда пришёл?..» И, словно помогая ему, певчие протяжно, томительно, до мурашек на спине затянули хорошо спетыми басом и тенором: «Те-э-бе-э, Го-о-спо-о-ди-и!»

«Вот и я, раз сам запутался, предаю Тебе, Господи, свою душу. Может, пребывание здесь всё расставит по местам», - и он с особой радостью запел вместе со всеми Символ веры. Это было его любимое место обедни.

...После целования креста парень вышел из храма, подождал немного и, выяснив, кто из священников является игуменом, подошёл и представился. Им пришлось постоять

3

молча и послушать колокольный звон, заглушивший разговор. Отзвонил с сосредоточенным лицом, глядя только на верёвки и колокола, тот самый суровый по виду монах, что стоял в церкви впереди парня, и которого он за богатырскую

комплекцию назвал про себя Пересветом.

-...Сергей... - повторил священник. – Как преподобный Сергей Радонежский.

- Хочу побыть у вас в монастыре несколько дней в качестве трудника, то есть поработать. Если это возможно, конечно.

- Мы принимаем всех. К нам приходят и бездомные, потерявшие квартиры, и наркоманы, стремящиеся исцелиться, и даже бесноватые. Больше приходит таких, как ты, кто хочет потрудиться неделю-другую. А работы, сам видишь, достаточно: монастырь восстанавливается. Вот. Ты учишься или работаешь?

- Я окончил школу, думаю поступать на исторический факультет, а пока свободен: теперь нет вступительных экзаменов, поступают по результатам ЕГЭ. А в монастырь пришёл, чтоб, так сказать, вживую прикоснуться к истории, к традициям архитектуры, духовным основам нашей жизни.

Настоятель, мысли которого отвлеклись было на какую-то заботу, посмотрел Сергею в глаза, и тот начал торопливо объясняться:

- Я изучил – для себя – энциклопедию русской культуры и пришёл к выводу, что архитектура, живопись, литература нашей страны имеют религиозную основу. Не хочется изучать историю России, не поняв эту основу. Простой пример: храмы. Почему все они – тонны камней или кирпича – на вид такие лёгкие, будто парят? Тот же храм Покрова-на-

Нерли. Настоящий парусник! Я хочу понять этот секрет. И для себя, и потому, что сейчас время не поверхностных, а глубоких специалистов. Опять же как историк я должен буду уяснить все тайные, внутренние причины мировых политических процессов. Религиозные идеи, религиозные войны, межрелигиозные отношения сильно влияли и влияют на развитие событий в мире.

Настоятель опять пристально глянул на Сергея, потом опустил взгляд, мягко улыбнулся и, будто вернувшись откуда-то к земному, сказал:

- Вроде бы у современной молодёжи другие устремления, далёкие от церкви, веры и

4

даже искусства.

- Что вы. Это не так, - возразил парень. – Может быть, раньше, лет десять назад – да, все старались, как говорится, «подняться», «устроиться», заработать. И сейчас тоже таких много. Но когда заходишь в наш городской храм, то обращаешь внимание, что там пожилые и дети, а средний возраст почти отсутствует. Я вижу, что моё поколение потянулось к вере, нам уже мало простого материального благополучия. Кино, телевизор, компьютерные игры, бары и дискотеки – всё это естественное для молодёжи, но не глубокое. Душа просит настоящего. А его искать не надо, оно тысячу лет рядом с нами. Я имею в виду православие. Хотя, конечно... - Сергей будто устыдился, что навязывает священнику своё

мнение да ещё таким восторженным тоном, - нравственность сейчас даже в сравнении с коммунистическими временами резко ухудшилась. Власть открыто обворовывает народ, везде мошенничество, люди жутко пьянствуют и опускаются. И молодёжь тоже: употребляют наркотики, нюхают клей, рано умирают. Много таких, кто за деньги готов на всё, даже продать родных или друзей. Такие обманывают, выгадывают что-то за счёт других и делают вид, что всё нормально. Но я думаю, тут и взрослые виноваты: подростки попадают в мир, где за них уже придуманы законы поведения, а жить по-своему не у всех хватает ума...

Отец Николай, у которого опять проскользнули в мыслях две-три хозяйственные заботы, удивился: он слышал это недавно. Но от кого?.. От кого?.. Да-да, конечно. Бочков. Пожилой человек с бандитским прошлым и недавний выпускник школы Сергей говорили об одном и том же.

- А в чём мне себя винить, батюшка?.. – сказал тогда, осенью, Бочков в своей особой манере, как будто наседали на собеседника, обижаясь, что тот может не принять его точку зрения, но в то же время прерывая себя, задыхаясь от разговора: следствие болезни. – В чём?.. Я был простым мелким бандюганом, можно сказать, пацаном... А потом эти важные дяди в нашем городе начали хапать заводы, здания, технику... Мы тоже попробовали... Так они не только не были против, они стали дружить с нами... Просили сделать какую-нибудь грязную работу... Раньше я и не мечтал зай-

ти в кабинет председателя исполкома или начальника милиции... А тут приглашают, наливают коньяка, обговаривают со мной, что и как поделим... Знаете, какие они жадные, вся эта верхушка... элита вонючая в дорогих костюмах?.. Они хапали всё... Себе, сыну, дочери с зятем, на жену, на тещу... И не только какое-нибудь прибыльное предприятие... Не

5

брезговали даже ассенизатором или полусгнившим складом... Просто в один прекрасный момент... для них прекрасный... оттуда, сверху, из Москвы, пришла команда: «Хапайте. Можно»... Они и накинулись, как цепные псы, которым дали волю... А я что? Я только крошки подбирал с их стола... Но они, когда нахапали, и на мои крошки начали заглядываться... Поначалу проститутки, наркотики, крышевание, металл – всё это было наше, блатных... А теперь, знаете, чьё?.. Ментовское, начальников... По деревням от нищеты коноплю выращивают, а крышует кто?.. Участковые... А над ними начальник милиции... А над ним – областной генерал... Браконьерство, озёра, леса, знаете, чьи?.. Прокурорские... У меня один знакомый хотел легализоваться... Всё, мол, завожу чистый бизнес, левое спихиваю... Так на него как набросились!.. Рассказывал: базарчик хотел обустроить на Кожухе, а то там с земли торговали... Менты старушек постоянно гоняли... Три месяца он ходил, согласовывал... Двести тысяч просадил... В итоге плюнул на всё... Ну, и для кого он сделал плохо?.. Для людей?.. Для государства?.. А

что такое государство?.. Это свора, которая хапает и сваливает за границу... Им страна и народ не нужны... Они здесь жить не будут... У сына мэра турбизнес в Бангкоке... И у самого мэра там трёхкомнатная квартира... Нагребёт себе и свалит туда... Жена и так в Россию только в гости прилетает, сестёр навестить... И в чём же мне, батюшка, винить себя?.. Почему этих не прикрывают, не расстреливают?.. Почему законы разрешают воровать и не разрешают жить по совести?

- Ты очень зависимый человек, - ответил тогда отец Николай Бочкову.

- Я зависимый?! – возмутился тот. – Да я живу, как хочу, ни на кого не оглядываясь... Вернее, жил, как хотел... Теперь, конечно, всё в прошлом... Теперь я подыхаю... Но я был сам себе хозяином и ни от кого не зависел.

- Ты очень зависимый человек, - повторил настоятель. – Зависимый от обстоятельств. Начальники ударились в воровство, и ты вслед за ними. Хотя у тебя был выбор: стать таким, как они, или жить, не греша. Ты ведь осуждаешь их, значит, они и их деяния тебе не по нраву. Так зачем же добровольно стал таким же, как они?.. Говоришь: законы плохие, слабые, с изъянами? И ты этим пользуешься, обходишь их. А почему ты не создал сам себе закона? На основе Заповедей? Открыл бы Евангелие – и вот тебе законы, которым уже две тысячи лет... У тебя был выбор. Между Божественным и сатанинским. И ты выбрал второе. Теперь ты осужда-

ешь начальников, но они не несут ответственности за твой выбор. За него отвечать тебе, Там (указал на небо) ты не скажешь, что воровал,

6

потому что Иван Иванович разрешил. Христос ведь воровать не разрешал. И ещё ты забываешь главное: в то время не только воровать разрешили, но и верить. Слава Богу, стали открываться церкви, людей перестали наказывать за веру в Бога. Мы вот начали восстанавливать монастырь, и сейчас здесь постоянно живёт уже двадцать четыре человека.

- Знаю, батюшка, всё знаю... - заговорил Бочков быстрее, будто боялся, что о нём останется превратное мнение. – Потому и пришёл в монастырь... Не хочу всю эту грязь тащить за собой на тот свет... Раньше я и не задумывался о загробной жизни: земной хватало... А как вынесли мне врачи приговор, так сразу во всё поверил... Вот такие, как я, и идут в церковь... Кого болезнь прижала, у кого родственники... болеют или умерли... От радости в церковь не ходим... Только когда жизнь припрёт к стене... Когда на себя больше не надеемся... Таких, как ваши монахи, кто без Бога обойтись не может... таких мало... Так что будут люди несчастными – наполнятся церкви... А если будут все богатыми да здоровыми – никто о Боге и не вспомнит... Раньше коммунисты запрещали быть плохими людьми... Возле каждого милиционер стоял, всё контролировалось... А с девяносто первого года объявили: «Живите, как хотите, свобода»... И никто не

стал добрее и совестливее... Все оскотинели, начали хапать, убивать, предавать друзей... Вот она какая – свобода... Разве только я так ею воспользовался?.. Вся великая страна такой выбор сделала... В тёмную сторону... Вся страна пошла напрямиком в ад... Оказалось, что человеку не свобода нужна, а палка... А без палки он – волк... А кто не пошёл в тёмную сторону, подох от голода... Вся эта интеллигенция: учителя, инженеры, библиотекари... А я что?.. Я не хотел голодать... когда все вокруг начали жрать без меры...

Таким он был поначалу, этот Бочков, вспоминал настоятель. Винил других, оправдывал себя. Самооправдание в последнее время стало прямо-таки модным. На всё у людей есть объяснение, ни в чём не хотят каяться, не понимая того, что своим самооправданием они могут обмануть только себя и никого больше, а значит, оно бессмысленно. И вредно.

...- С Богом, оставайся, - сказал отец Николай Сергею. – Церковную архитектуру надобно изучать где-нибудь в центральной России, а у нас, на востоке страны, всё проще. Храм, как видишь, мы почти восстановили; кельи, трапезную тоже, однако половина зданий пока заброшена. Но с Божьей помощью вернём и им прежнее состояние. Вот ты сказал, что православие сильно влияло на жизнь страны. Это так, но здесь у нас монастырская жизнь, уединённая. Мы не читаем газет, не смотрим телевизор. Наша жизнь

лимся на завтраке. Сегодня пост, так что мясного и молочного за столом не будет, не удивляйся.

- Я не люблю мясо, редко его ем, - ответил Сергей и не удержался, обрадовано улыбнулся: взяли.

Настоятель заметил, что его ожидают двое из монахов и заторопился:

- Трапезная там. Все уже идут к завтраку, иди и ты.

Сергей засомневался было, не отказаться ли ему от еды, тем более, что день для этого был подходящим, но, если он правильно понял слово «послушание», работу ему должны были назначить именно там, в трапезной, а бездельничать в монастыре он не собирался: за пищу и ночлег нужно было расплачиваться трудом. Закинув рюкзак на спину, он, пошёл туда, куда указал взглядом отец Николай.

Завтрак заставил парня по-настоящему прочувствовать, где он оказался. Удивляло почти всё: то, что никто не проходил за столы без игумена, то, что сначала пропели молитвы, потом отец Николай благословил пищу, и только тогда расселись. Что кушать начали по звонку колокольчика, в который стукнул негромко всё тот же отец Николай, сидевший с двумя другими священниками во главе столов, а перед этим все передали свои миски для каши тем из монахов или трудников, кто был ближе к бачкам, да налили себе чаю. И все эти приготовления – в полном молчании, когда слов избегали или заменяли их едва уловимыми жестами. Но больше удивился Сергей тому, что монахи вовсе не изнуряли себя

голодом: каши любой брал, сколько считал нужным, хлеба и сахара для чая также было достаточно. На столах стояли миски с клубникой, а также с луком и морковью. Парень догадался: по случаю пятницы и Петрова поста, растительное масло не допускалось, и потому овощи предлагали не в виде салата.

Простота и грубость обстановки и сервировки столов, строгое мужское сообщество, по большинству своему в чёрных рясах, сосредоточенное молчание окружающих – всё это понравилось Сергею. Нарушения поста, обжорства, пустословия... - скольких грехов позволял избежать монашеский образ жизни без всякого личного усилия. Парень перестал уже чувствовать робость и, закончив с едой, слушая чтение Житий святых, стал понемногу присматриваться к тем, кого выбрал в своё общество на ближайшие дни.

Наибольшее внимание Сергея привлёк монах, читающий Жития. Да он и виден был

8

лучше других. Мужчина лет пятидесяти, с квадратной русой бородой и непокорными волосами, выбившимися из-под схваченных бечёвкой прядей, читал книгу Димитрия Ростовского так, будто находился в одиночестве в своей келье. Он правильно употреблял е вместо ё, но путался иногда в названиях восточных городов, поправлял себя, изменяя ударения, а дойдя до какого-то удивительного места – встречи отшельника с Ангелом, описания подвига над плотью, - изум-

лѐнно поводил лицом и на миг поджимал губы. Так рассматривает какой-нибудь ребёнок подаренную на день рождения большую и яркую энциклопедию, каждый рисунок которой – новый шаг в царство чуда. Сергей даже позавидовал: «Как красиво, по-детски верит этот человек! Столько лет прожил на свете, а душу не обжѐг. Не то, что я...»

Уже знакомые по церкви звонарь Пересвет и лохматый чудаки сидели далеко от Сергея, а напротив допивал чай монах лет тридцати пяти с грустным и отрешѐнным лицом, который, выпив полкружки, вдруг решил добавить сахара, а добавив, передумал допивать и, отодвинув посуду, стал, как и Сергей, дожидаться окончания завтрака.

- Вы туда же? – спросил кого-то отец Николай.

Потом другого:

- Сколько там ещё штукатурить?... Помощники нужны?..

И – Пересвета:

- Как там в огороде? Окучили?

Сергей посмотрел в сторону настоятеля и встретился с ним взглядами.

- Брат Иаков, я хочу благословить Сергея на то же послушание, что было у брата Виктора, - тут отец Николай, а следом за ним и все остальные почему-то перекрестились. - Вот. Парень он молодой, крепкий. Дашь ему тележку, пусть возит на новую тропинку всё, что остаётся от твоей работы. И место для ночлега – знаю – у вас освободилось.

- Хорошо, - сказал тот самый грустный монах, что сидел

напротив Сергея, и парень постарался запомнить его, чтобы, выйдя из трапезной, знать, к кому обратиться.

Послышался звонок, и все встали. Сергей сделал было пару шагов к выходу, но вовремя спохватился и развернулся к стене, на которой висела икона: завтрак как начался, так и завершился совместной молитвой.

9

Парень был рад тому, что получил индивидуальную работу: насельники монастыря и по образу жизни, и по возрасту были далеки от него. Разве что кроме одного – молодого трудника, который привлёк его внимание во время завтрака. Невысокого роста черноволосый парень ел и как-то странно зыркал на соседей по столу, будто изучал их. Раз – заметил Сергей – он попросил монаха, сидевшего рядом, передать кусочек хлеба и при этом смотрел не на хлеб, а старался заглянуть монаху в глаза. Сергей встретился с черноволосым взглядами, быстро отвернулся, но успел заметить многое. Правильно говорят: глаза – зеркало души. Хитрость, лукавство прочёл Сергей на лице этого странного парня. А ещё такое выражение, будто что-то был должен ему. Подобный взгляд встречался ему однажды в поезде, когда нарвался на карточных шулеров, но, к счастью, быстро отделался от них. Чего он точно не увидел в этих глазах, так это доброты и мягкости по отношению к другим людям, чем заметно отличались все остальные обитатели монастыря и когда собирались к завтраку, и когда скромно рассаживались за столы,

и за едой. «Зачем он пришёл сюда?» - подумалось Сергею. Работать вместе с этим почти сверстником он пожелал бы меньше всего.

...Брат Иаков оказался человеком словоохотливым, но, начав говорить о чём-то, мог без видимого повода оборвать разговор, а через пару секунд спросить что-то совсем другое. Так, выйдя наружу, он заговорил с братьями о своей работе, упомянул Сергея: «Отец Николай решил отсыпать дорожку», но на вопрос одного из монахов, хватит ли стройматериалов, ничего не сказал, а вдруг задумался и махнул рукой: «Ладно, пора на послушание». Сергей направился за ним.

Идти было недалеко. За трапезной вплотную друг к другу стояла пара двухэтажных зданий (судя по обуви у входов и каким-то сушившимся тряпкам, это были жилые помещения), а за ними начинались развалины без крыш, со стенами лишь кое-где на уровне человеческого роста, а с дальней стороны и вовсе в полметра над фундаментом. «Какая крепкая кладка», - заметил сам себе Сергей, а брат Иаков поинтересовался, не оборачиваясь:

- От наркотиков сбежал?
- Разве я похож на наркомана? – оторопел парень.
- Я тоже в этом облачении мало похож на кандидата наук...
- Я не употребляю наркотики. И не пью, не курю. Мне это не нравится.

- Всем не нравится, однако же делают. Там, - он кивнул на забор, - все делают то, что не нравится. Бесы искушений сильнее желаний ума и сердца.

10

Сергей задумался, что бы ответить для поддержания разговора, но Иаков вдруг остановился, повернулся к нему и – куда делась его отрешённость – с улыбкой сказал:

- Правильно сделал, что пришёл сюда. Хотя бы на несколько дней. Люди сейчас занимаются чем угодно, но только не главным: спасением души. А ведь шансов избежать ада так мало...

Он вдруг резко помрачнел, повернулся и пошёл дальше.

За развалинами открылось большое болото, переходившее справа в огородные грядки, где уже ходил, определяясь с работой, Пересвет.

- Вот твоё послушание, - кивнул брат Иаков. – Там, за болотом, где растут деревья, бьёт родник, из которого мы носим воду. Отличная вода, а если ещё и освящённая, то лучше любых лекарств. Даже городские приходят к нам набрать её: почитают за чудодейственную. Но есть одно неудобство. Видишь дорожку? По ней брат Михаил и другие, у кого послушание на кухне, носят воду.

Сергей проследил взглядом и согласился с монахом: тропа спускалась сразу за развалинами на неровный, заросший высокой травой берег болота и шла вдоль границы монастыря.

ской территории, где были видны остатки какого-то забора. Источник воды находился отсюда метрах в семидесяти – если по прямой, по тропинке же – в два раза дальше.

- А теперь посмотри на эту насыпь.

- Вы это... пытались сделать проход через болото?

- Пытался. Один хороший человек... Пойдём туда.

Они вернулись немного назад, на дорогу, упиравшуюся в картофельную грядку, и Сергей увидел торчащие из воды большие камни, прямой насыпью пересекавшие водоём. На той стороне росло три-четыре дерева, стоял небольшой деревянный крест и угадывался колодезный сруб.

- Другой проход есть, но, как видишь, с вёдрами по нему не пройдёшь. Брат Виктор привозил эти булыжники с той стороны огорода, - монах показал на обнажённый каменистый скат сопки, к которому примыкали какие-то сараи, - потом руками носил их и бросал в болото. Ты можешь спокойно перебраться на ту сторону, перескакивая с камня на камень, но нужна нормальная дорожка, и отец Николай поручил тебе отсыпать её строительным мусором.

Брат Иаков повернулся к разрушенному зданию и кивнул в его сторону:

- Я там, внутри, выбиваю целые кирпичи для ремонта стены мастерских, а все обломки

- Всё понятно, - кивнул Сергей: ему очень понравилась полезность свое будущей работы. – А настоятель что-то говорил о тележке...

- Тележка внутри. Есть там и лопата.

Они пошли обратно.

- Скажите, я правильно понял: брат Виктор делал новую тропу один?

- Делал, - не совсем верно ответил на вопрос парня монах. – И доделал бы, если б не умер. Царство небесное. Там, за родником, мы его и похоронили. Так что не обессудь: если дорожка станет действующей, то вспоминать будут прежде его, а уж потом, может быть, и тебя.

- Да мне-то всё равно. Просто удивляет: один человек засыпал, можно сказать, целое болото.

- Он не болото засыпал, а свои грехи...

Пока дошли до места, пока грузилась тачка, Сергей ещё несколько раз пытался расспросить монаха о странном человеке, победившем топь, но брат Иаков отвечал односложно и даже невпопад.

Сергей начал работать, точнее, совершать послушание. До обеда у него было три часа да около двух после обеда, и, высыпав поверх камней пятую тачку, он высчитал, что к полудню субботы, после которого до понедельника работать нельзя, он пройдёт только половину тропы. Это вызвало досаду: приятнее было бы покинуть монастырь, сделав что-то заметное. В понедельник же ему предстояло ехать в дерев-

ню, помогать дедушке на покосе. «Впрочем, - решил парень, - если буду работать, как богатырь Пересвет, то, может, и успею». Монах, которого он перекрестил этим древним героическим именем, трудился без отдыха. Всякий раз, когда Сергей привозил очередную тачку битого кирпича, высыпал её и утаптывал, чтобы можно было проехать дальше со следующей тачкой, всякий раз он бросал взгляд на огородные грядки и видел полусогнутую спину монаха, который махал тяпкой и лишь изредка доставал платок и вытирал со лба пот.

День становился всё жарче, и в низине, окружённой с трёх сторон сопочками и выбранной когда-то и кем-то для уединённого труда и постоянной молитвы, тень лежала только в одном месте и небольшой полоской –с внутренней стороны трёх одноэтажных зданий, примыкавших к воротам. Сергей отсюда видел, что там бродили коты, подозрительно оглядывая друг друга, и пару раз прошёл тот черноволосый парень, которого он про себя называл Хитрованом. «Интересно, что у него за послушание?» -

12

подумал Сергей, но тут же забыл свою случайную мысль, поглощённый работой и жарой. Он разделся до пояса, благо полуголый вид его никому не мешал в этой части монастыря, даже брату Иакову, сидевшему с молоточком в углу развалин; прокатал в траве новую, более короткую дорогу к болоту и через каждые пять тачек перескакивал по булыжникам

к роднику, пил и обтирал себя его ледяной водой. Чудодейственности Сергей пока не почувствовал: вкус воды, которая стекала по деревянному жёлобу в квадратный, сделанный из тонких сосновых брёвен каркас, был совершенно нейтральным, и только одно отличало её – чистота. Будто вся остальная вода, которую парень пробовал до этого, была и не водой в полном смысле этого слова, а смесью воды с чем-то невидимым, а тут к ней не успели ничего примешать, и она оставалась сама собой, просто – водой.

Место вокруг родника было красивым и ухоженным, так что Сергею ещё больше захотелось сделать монахам короткий и удобный путь сюда. Две вербы и одна плакучая ива кругом прикрывали родник, а за ним местность слегка возвышалась узкой клеверной поляной, дальний край которой уже отвели роль будущего кладбища: там стоял крест на могиле брата Виктора. «Источник жизни, здоровья и смерть – недалеко друг от друга», - пофилософствовал Сергей, но дальше этой мысли не продвинулся: жара вытапливала из мозгов всякое желание думать. Одно только мыслительное действие совершил Сергей до обеденного перерыва. В очередной раз напившись воды и возвращаясь к своей работе, он сломал на вербе длинную, метра в два сухую ветку и попробовал измерить болотце, но нигде: ни по одну, ни по другую сторону насыпи – дна не достал.

- А я-то думал, здесь воды по колено, - удивился Сергей вслух. – Как же этот монах засыпал его?.. И сколько он здесь

трудился?..

Дважды прошёл за родниковой водой повар, и парень смог увидеть в действии применение старинного водоносного снаряда – коромысла. Впрочем, до кухни повар доносил не три ведра за раз, а самое большое два с половиной: тропа по берегу была неровной, кочковатой, отчего коромысло качалось, и вода выплёскивалась.

За первую половину дня новый трудник монастыря продвинулся на десять метров и- новое испытание – изрядно подгорел на солнце. Ближе к обеду он соорудил себе шапочку из носового платка, одел рубашку и стал смачивать её водой. Однако поводя головой вправо-влево, уже чувствовал: шея совершенно сгорела. «Хорошо ещё почти месяц ездили купаться на водохранилище, загар есть. А тут хоть в болото лезь...»

Однако такого рода заботы равно как и разболтанное колесо тачки лишь мимолётно

13

беспокоили Сергея. Работа ему нравилась, и делал он её с удовольствием и добросовестно. Тропа к источнику превратилась в воображении парня из каменистой насыпи через вонючее болото, покрытое серо-зелёными ёршиками неведомого растения, в дорогу к чему-то важному, такому, что выводило его жизнь на новые просторы, будто не со стороны монастыря он её отсыпал, а наоборот, к монастырю, и там

ожидала его духовная награда, каких ещё не было за восемнадцать лет жизни. Поэтому он выворачивал очередную тачку, старательно разравнивал кучку ногами, топтался с минутой, чтоб не случилось потом, что кто-то наступит и провалится, и снова торопился к развалинам: один рейс продвигал его только на полметра. И когда слышался удар колокола и брат Иаков окликнул его: «Это на обед», Сергею стало жалко прерываться, и он решил сразу же после благодарственной за пищу молитвы бежать сюда, чтобы с новыми силами сделать как можно больше.

На этот раз он шёл в трапезную без той скованности, какую испытывал утром. Некоторый страх перед монахами, что был поначалу, исчез, и из строгих и таинственных людей после общения с братом Иаковым они превратились для него в обыкновенных мужчин, которые отличаются лишь тем, что не говорят о политике, спорте и пиве, не употребляют грубых слов и ходят в рясах с широкими кожаными поясами да в кирзовых сапогах. Впрочем кое-чему ещё пришлось удивиться. Когда Сергей вошёл в прихожую трапезной, где стояли умывальник и пара лавок, он увидел свой рюкзак, оставленный им до вечера на вешалке, в руках того самого Хитрована.

- Это твоя сумка? – спросил тот, когда Сергей подошёл и выразил на лице недоумение.

Спросил, но не протянул рюкзак хозяину, не отложил в сторону, а продолжал держать, поворачивая и потряхивая.

- Моё.

- Чего ты набрал дома? Небось, пакет пирожков? Кола?

Он говорил и щупал, проверяя свои предположения, что совсем уж не понравилось Сергею, и он раздражённо забрал рюкзак из чужих рук.

Это не смутило Хитрована, тем более что находившиеся в помещении монахи, послушники и трудники не обращали на них внимания, занятые своими мыслями или тихими разговорами.

- Так что там у тебя? Колись? – и он засмеялся так, как будто провёл в одной компании с Сергеем несколько лет.

И тот ответил, хотя больше хотел отвернуться:

14

- Бельё да туалетные принадлежности. Что там ещё может быть?

- А мобильник ты где держишь? В сумке или кармане?

Брат Иаков, который как раз подошёл помыть руки, очевидно, услышал разговор и, вешая полотенце на место, сказал напарнику:

- Давай выйдем, и я покажу тебе, где ты будешь ночевать. Отнесёшь вещи.

- ... Войдёшь в первую дверь, а там в келью, которая слева, - показал Иаков снаружи на ближайшее к трапезной здание. – Увидишь, что две верхние постели свободны. Выбери любую.

- Странный тип этот трудник, - поделился впечатлениями Сергей. – Зачем такому монастырь? Мечтает о кока-коле.

Иаков задумчиво посмотрел под ноги и вздохнул, как всегда, с какой-то особой своей грустью:

- Может, ему монастырь нужнее, чем нам с тобой... Болящий.

- Странный он, а не болящий, - настаивал юноша, но монах повторил тихо: «Болящий», и Сергей вдруг понял: здесь не принято кого-либо осуждать. Он совсем забыл известную заповедь «не суди...» и, получается, навязывал насельнику обители греховный разговор. Сергею стало стыдно, и он пошёл к кельям, ругая себя за то, что слишком рано решил, будто он здесь свой человек.

...Дружелюбие и внимательность друг к другу за столом вернули ему душевное равновесие: не осуждают таких, как Хитрован, значит, не осудят и его. Но – надо контролировать свои слова. А лучше мысли, от которых слова и рождаются.

Вновь удивил постный стол: суп, картошка, овощи, компот и опять клубника. «Просто, но сытно и здорово. Что ещё требуется человеку?.. Надо и дома так питаться, тогда точно никогда не будет ни гастритов, ни язвы. Скажу маме... А Хитрован, в принципе, нормальный парень. Просто немного мути в характере, но это пройдёт... Главное – живёт в монастыре и, может быть, долго. Не то, что я: пришёл всего на три дня... Да, а вот к отсутствию вилок я, наверное, не смогу привыкнуть за эти три дня. Так едят на поминках. А здесь

почему?...»

Разные мысли скользили в голове парня, оказавшегося в непривычном месте, а он неторопливо, стараясь не проявить жадности при еде, кушал и пытался сосредоточиться на истории, которую читал вслух тот же монах с квадратной бородой. Это было житие одного из восточных святых, который много лет питался только финиками и ни с кем не разговаривал. Строгость к себе и чистая молитва были вознаграждены вниманием к

15

отшельнику сил небесных в лице Ангела.

Опять читающий удивлённо поводит губами, повествуя события столь праведной жизни, и этот жест оказывал на Сергея неожиданное воздействие: жизнь отшельника переставала восприниматься как какой-то отвлечённый рассказ, она входила в современность, и казалось, что если сейчас отправиться в какую-нибудь ближневосточную пустыню, то там легко встретишь монахов, поселившихся в землянках и разговаривающих по вечерам с Ангелами.

После обеда молодой трудник прямо-таки набросился на работу. Послушание заканчивалось в шестнадцать тридцать, у него было всего-то два часа, а значит, не имело никакого смысла беречь силы. Теперь Сергей представлялся себе старым монахом, который в полном одиночестве в глухомани русского леса выполняет данное Сверху задание: доде-

лай тропинку – почишь, обрета рай. И эту игру, создание его ещё во многом детского воображения, не смогли рассеять такие прозаические вещи, как визит монастырской собаки и замечание брата Иакова. Пёс пришёл к болоту сразу после обеда. Он явно сорвался с цепи: её обрывок тянулся, позвякивая, «как грехи за дурным человеком». Так подумалось Сергею, и он, улыбнувшись собственной шутке, поймал пса – довольно крупного и злого на вид – и, дружелюбно уговаривая одуматься, отвёл его на место – к птичнику, где уже хватились пропажи четвероногого охранника. А монах-сосед, аккуратно сбивая штукатурку с крепких бордовых кирпичей, которым, наверное, было уже больше ста лет, глядел-глядел, как Сергей в минуту накидывает тачку и почти бегом отвозит её и тут же возвращается, сказал, что точно так же работал осенью брат Виктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.